

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-9-14>

EDN: <https://elibrary.ru/XHETBS>

NIION: 2007-0083-4/25-714

MOSURED: 77/27-005-2025-04-914

Криминологические особенности механизма вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность

Гани Насреддин Ахмадзода

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ggg-aaa48@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ актуальной проблемы предупреждения вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность, рассматриваемой через призму особенностей механизма такого вовлечения, включающего определенные методы и средства противоправного воздействия на данную целевую группу, ориентированного на склонение к совершению правонарушений и преступлений экстремистской направленности. Цель научного исследования состоит в получении нового знания о специфике объективных и субъективных элементов механизма вовлечения мигрантов в экстремистские объединения и (или) отдельные преступления экстремистской направленности. Для достижения этой цели поставлены и решены исследовательские задачи по выделению и анализу соответствующих особенностей, имеющих большое значение для повышения эффективности предупреждения вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность. В рамках исследования использованы всеобщий диалектический метод познания, а также комплекс общенаучных и частнонаучных методов, включая сравнительно-правовой метод и метод правового моделирования, в результате чего были получены и обоснованы выводы, раскрывающие особенности указанного механизма, и предложения по совершенствованию превентивных мер в данной области.

Ключевые слова: механизм преступного поведения, вовлечение мигрантов в экстремистскую деятельность, предупреждение преступлений

Для цитирования: Ахмадзода Г. Н. Криминологические особенности механизма вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 9–14. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-9-14>. EDN: XHETBS.

Original article

Criminological features of the mechanism of migrants' involvement in extremist activities

Ghani N. Ahmadzoda

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ggg-aaa48@mail.ru

Abstract. The analysis of the urgent problem of preventing the involvement of migrants in extremist activities is carried out, viewed through the prism of the specifics of the mechanism of such involvement, which includes certain methods and means of unlawful influence on this target group, aimed at inducing the commission of offenses and crimes of extremist orientation. The purpose of the scientific research is to gain new knowledge about the specifics of the objective and subjective elements of the mechanism of migrants' involvement in extremist associations and (or) individual extremist crimes. To achieve this goal, research tasks have been set and solved to identify and analyze relevant features that are of great importance for improving the effectiveness of preventing the involvement of migrants in extremist activities. The study used the universal dialectical method of cognition, as well as a set of general scientific and private scientific methods, including the comparative legal method and the method of legal modeling, as a result of which conclusions were obtained and substantiated, revealing the features of this mechanism, and proposals for improving preventive measures in this area.

© Ахмадзода Г. Н., 2025

Keywords: mechanism of criminal behavior, involvement of migrants in extremist activities, crime prevention

For citation: Ahmadzoda G. N. Criminological features of the mechanism of migrants' involvement in extremist activities. *Criminological Journal*. 2025;(4):9–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-9-14>. EDN: XHETBS.

Механизм вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность обладает определенными особенностями, имеющими как объективный, так и субъективный характер. Поскольку такое вовлечение, как правило, само по себе является самостоятельным преступлением, подстрекательством к таковому или его организацией, ему присущи все неотъемлемые черты механизма преступного поведения, причем осуществляемого умышленно.

Такой механизм представляет собой открытую систему, включающую определенные элементы (звенья), состоящие в условиях формирования личности, мотивации, конкретной жизненной ситуации, принятии решения о совершении преступного посягательства, его планировании, непосредственном совершении (исполнении), причинении общественно опасных последствий, и характеризующуюся постоянным, взаимным влиянием внешней среды и свойств личности, приводящим к совершению преступления [1, с. 126–128; 2, с. 110–113].

Принимая во внимание то, что вовлечение в экстремистскую деятельность в подавляющем большинстве случаев одновременно является вовлечением других лиц в совершение конкретных преступлений экстремистской направленности, в том числе заключающихся в участии в экстремистском сообществе или в деятельности экстремистской организации, представляется целесообразным рассматривать механизм такого вовлечения как более сложную систему и процесс, распространяющиеся на преступное поведение не только вовлекающих, но еще и вовлекаемых лиц.

Отметим, что в криминологии используется и такое понятие, как «механизм детерминации преступного поведения», раскрываемое через указание на процесс взаимодействия объективных и субъективных факторов, закономерным результатом которого является совершение преступного деяния, при этом взаимодействие соответствующих факторов определяет последовательность и содержание предпреступной, преступной и постпреступной деятельности виновного лица [3]. Применительно же к вовлечению в экстремистскую или иную преступную деятельность целесообразно, на наш взгляд, использовать такое понятие, как «механизм детерминации преступного поведения другого (вовлекаемого) лица».

Считаем, что предлагаемое понятие отражает существенный компонент рассматриваемого криминального взаимодействия двух сторон – вовлекающей и вовлекаемой, когда лица, относящиеся ко второй из них,

под влиянием идеологического воздействия, предложений, обещаний, различного рода принуждения, включая угрозы, исходящие от вовлекающих лиц, тем или иным образом выражают и (или) проявляют свое согласие участвовать в экстремистской деятельности, в том числе вступают в ряды экстремистских объединений и (или) приступают к приготовлению либо к непосредственному совершению преступлений экстремистской направленности.

В контексте рассматриваемой темы важно учитывать специфику, присущую не только экстремистской деятельности в целом и входящим в нее отдельным преступлениям экстремистской направленности, в частности, но еще и вовлечению в таковую, а также выделенной целевой социальной группе мигрантов, отличающейся наибольшей уязвимостью относительно внешнего воздействия, так или иначе направленного на вовлечение данных лиц в экстремизм.

Особенностями экстремистской деятельности, которые, на наш взгляд, следует принимать во внимание в рамках предупреждения вовлечения в таковую мигрантов, являются: во-первых, образующая ее существенную основу идеология, формирующая мотивы расовой, национальной, религиозной, политической, идеологической ненависти либо вражды, которые также могут быть обращены против какой-либо социальной группы; во-вторых, присущие этой противоправной деятельности тенденции к транснационализации, повышению уровня ее организованности, все более тесному переплетению с террористической деятельностью, а также к нарастающему использованию современных информационно-коммуникационных технологий; в-третьих, активная вовлеченность в таковую зарубежных специальных служб и связанных с ними организаций, проявляющееся, в частности, в финансировании, информационном и ином обеспечении экстремистских и террористических объединений, равно как и отдельных лиц, используемых для совершения определенных уголовно наказуемых деяний экстремистской или террористической направленности.

Указанные мотивы ненависти и вражды изначально имеют деструктивный, низменный характер, при этом их претворение в конкретные насильственные и иные противоправные действия, к которым они подталкивают, еще сильнее раскручивает маховик национальной, религиозной, политической и иной розни в обществе, обращая данные побуждения и против самих лиц, поддавшихся указанным идеям и взглядам и преступившим уголовный закон [4, с. 4–5].

Последний тезис наглядно подтверждается практикой, знающей примеры того, как насилие, направленное против представителей определенной социальной группы, вызывает ответную и, как правило, более масштабную волну насилия со стороны лиц, ассоциирующих себя с этой группой, что в свою очередь также редко остается без ответа, порождая тем самым нарастающие, длительные конфликты, в ходе которых совершаются множественные противоправные действия, включая массовые беспорядки [5, с. 3–9].

Мотивы ненависти и вражды являются элементарными, вызывающими к низменным началам в структуре личности и опирающимися, в частности, на гипертрофированные представления о негативных свойствах тех или иных групп в структуре общества, тенденциозно подобранные и интерпретированные исторические факты, одностороннее толкование и восприятие религиозных источников, искусственно созданные привлекательные образы «борьбы» и «борцов» за какие-либо национальные, политические и прочие идеи, интересы.

Указанные побуждения базируются на экстремистской идеологии, генерируемой и распространяемой экстремистскими и террористическими объединениями, в особенности теми, что имеют международный характер, предполагающий транснационализацию осуществляемой ими преступной деятельности [6, с. 50–54]. Именно такие объединения, например, международная террористическая организация «Исламское государство» привлекает внимание многих потенциальных участников экстремистской деятельности [7, с. 107–109], и, прежде всего, тех, кто находится в специфических жизненных условиях, в частности, в местах лишения свободы, и при этом склонен воспринимать идеи национальной, религиозной и иной ненависти или вражды, что наиболее характерно для мигрантов, изначально отличающихся присущими им убеждениями и взглядами, в том числе на религию и политику.

Например, 23 августа 2024 г. в исправительной колонии № 19 г. Суровикино Волгоградской области четверо осужденных, отбывающих лишение свободы, захватили двенадцать заложников, включая восемь сотрудников колонии и четверых других осужденных. Виновные нанесли четверым сотрудникам учреждения множественные колото-резаные раны, убив трех из них, остальные сотрудники оказали сопротивление и также были ранены, при этом один из них в дальнейшем скончался в больнице. Дальнейшая преступная деятельность данных лиц была пресечена в результате проведения штурма колонии. Все виновные в указанных насильственных преступлениях являются мигрантами – гражданами Узбекистана и Таджикистана, при этом трое из них были осуждены за преступления, связанные с незаконным оборотом

наркотических средств, а еще одно лицо – за причинение смерти по неосторожности. В период совместного отбывания лишения свободы данные лица вступили в ряды международной террористической организации «Исламское государство», восприняли присущую ей экстремистскую и террористическую идеологию и от имени этой организации совершили захват заложников и другие насильственные преступления [11].

Отметим, что мигранты и сами нередко становятся объектами ненависти и вражды, в связи с чем более остро воспринимают экстремистские проявления и активнее ретранслируют соответствующие идеи и взгляды среди лиц, относящихся к той же социальной группе либо к ее отдельным частям, как правило, выделяемым по национальному и религиозному признакам. Данные лица, оказавшись в чуждой для себя среде, привносящей в их жизнь дополнительные сложности и риски, далеко не всегда предпринимают необходимые усилия для скорейшей адаптации к новым условиям, включая изучение языка, приобретение востребованной профессии, ознакомление с национальными культурными и религиозными традициями, правилами поведения в обществе, особенностями законодательства [8, с. 35–36]. Значительная часть из них выбирает более простой путь, предполагающий пребывание среди «своих» и практически полный отказ от попыток ассимилироваться в российское общество, за исключением минимально необходимого им взаимодействия с его отдельными институтами. Тем самым они ставят себя в положение, уязвимое для деструктивного влияния со стороны их окружения, в том числе для навязывания экстремистской идеологии и основанной на ней криминальной мотивации.

Важно принимать во внимание, что ежегодно в Россию прибывает большое число мигрантов, причем многие из них рассчитывают остаться в ней навсегда или как минимум на длительное время. Так, в 2024 г. в Россию прибыло свыше 6 млн иностранных граждан, из которых около половины имели намерение трудоустроиться. При этом 23,3 % от общего числа прибывших мигрантов въехало на территорию России из Узбекистана; 16,7 % – из Таджикистана; 10,7 % – из Кыргызстана и 9,5 % – из Белоруссии. Нелегально на территории России в 2024 г. находились около 700 тыс. иностранных граждан, из страны за этот год было принудительно выслано 157 тыс. таких лиц [12].

В Стратегии противодействия экстремизму в РФ [13, п. 14, 26] обращается внимание на увеличение масштабов миграционных процессов, в результате которых на территории России оказывается столь значительное число мигрантов, количество и состав которых изменяются вслед за геополитическими событиями в мире, что в свою очередь приводит к возрастанию рисков проникновения в страну участников зарубежных и международных экстремистских и тер-

рористических объединений, а равно иных носителей опасной экстремистской идеологии. Кроме того, в отдельных регионах и населенных пунктах наблюдается формирование неблагоприятной ситуации с противоправным поведением мигрантов, разрушающим сложившийся баланс национальных и религиозных отношений и, как следствие, угрожающим национальной безопасности. Прибывающие в Россию трудовые и иные мигранты не только вовлекаются в экстремистские и террористические объединения, но еще и сами распространяют экстремистскую идеологию, участвуют в несанкционированных публичных мероприятиях экстремистского толка [13, п. 14, 26].

При вовлечении мигрантов в экстремистскую деятельность используется идеологическое воздействие, включая массовое производство и распространение экстремистских материалов, публичные и персонализированные действия, разжигающие ненависть и вражду, а также призывающие к осуществлению экстремизма и (или) террористической деятельности, оправдывающие или пропагандирующие экстремизм и (или) терроризм, а также другое стимулирование к вступлению в ряды экстремистских или террористических объединений, участию в совершении конкретных преступлений соответствующей направленности. Среди этих других стимулов преобладают обещание материального вознаграждения и его непосредственная передача, как правило, в виде предварительного («авансового») и последующего платежей, в том числе передаваемых вовлекаемому (вовлеченному) лицу на систематической основе. Также может использоваться иная личная заинтересованность, например, состоящая в содействии родственникам вовлекаемого мигранта в устройстве на работу или учебу, помощь в оформлении миграционных и других документов, а равно в сокрытии совершенных этим лицом преступлений или других правонарушений, в том числе с использованием коррупционных схем и связей.

В рассматриваемых случаях корыстная или иная личная заинтересованность вовлекаемого лица не всегда сопутствует ненависти или вражде, более того, данное лицо может вовсе не посвящаться в истинные цели и мотивы тех, кто его нанимает для совершения конкретного преступления. Более того, для мигранта, плохо разбирающегося даже в основах российского законодательства, может быть не полностью понятна противоправность и общественная опасность планируемых и совершаемых им действий. Например, он может не понимать содержание и значение размещаемой или пересылаемой в сети «Интернет» информации, фактически призывающей к экстремистской или террористической деятельности, либо направленной на возбуждение национальной, религиозной или иной ненависти либо вражды в обществе. В таких случаях посредственными исполнителями преступлений

являются лица, вовлекшие мигрантов в данную противоправную деятельность и организовавшие ее осуществление.

Мигранты и сами нередко выступают в роли вовлекающих в экстремистскую деятельность, при этом закономерным является осуществление такого вовлечения в отношении представителей той же социальной группы, что и данные вовлекающие лица, в том числе путем публичного обращения к широкому кругу таких лиц посредством сети «Интернет». Наибольшего деструктивного эффекта это вовлечение достигает при его осуществлении в местах компактного проживания или иного пребывания мигрантов, в том числе в местах лишения свободы, где в последние годы наблюдается тенденция к образованию ячеек экстремистских и террористических организаций, как правило, ориентированных на осужденных, являющихся иностранными гражданами, в основном выходцами из стран, ранее входивших в состав СССР.

Так, гражданин Таджикистана Х. в период содержания в следственном изоляторе в связи с совершением преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, призывал других лиц, помещенных в данное учреждение, к насильственным действиям в отношении сотрудников органов государственной власти России, к организации массовых беспорядков и участию в них. Также установлено, что Х., будучи активным участником экстремистской организации «АУЕ», совершил действия, направленные на формирование ячейки этой организации в исправительном учреждении [14].

Отметим, что подобные организационные действия таят в себе опасность первичной или дальнейшей радикализации лиц, склонных к экстремистским проявлениям, поскольку они осуществляются в условиях изоляции от остального общества, имеют постоянный, систематический характер и предполагают применение самых различных средств и методов воздействия на вовлекаемых лиц, которые в дальнейшем сами становятся активными участниками экстремистских объединений, вовлекающими в деятельность последних мигрантов и иных лиц.

В особенности важно своевременно выявлять и пресекать образование организованных экстремистских структур в учреждениях уголовно-исполнительной системы, поскольку таковые способны приводить к опасным преступлениям экстремистской направленности не только внутри следственных изоляторов и колоний, но и вовлекать в экстремизм лиц, находящихся за их пределами, чему способствует активное использование виновными сети «Интернет» и мессенджеров, а также продолжение трансляции экстремистских идей и взглядов, равно как и вербовочной деятельности лицами, освободившимися из мест лишения свободы [15].

На проблему радикализации мигрантов, отбывающих лишение свободы, в том числе в связи с допущением администрацией формирования внутри соответствующих учреждений так называемых «зеленых зон» обращается внимание в отдельных криминологических исследованиях [9, с. 61–67; 10, с. 443–448]. Мы согласны с авторами таких работ в том, что эта проблема является одной из наиболее актуальных в контексте повышения эффективности противодействия экстремизму, в том числе в рамках совершенствования мер предупреждения вовлечения мигрантов в экстремистские и террористические объединения, равно как и в совершаемые ими конкретные преступления соответствующей направленности.

Завершая настоящую работу, отметим, что механизм вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность характеризуется определенными особенностями, обусловленными, прежде всего, повышенной уязвимостью данной социальной группы по отношению к оказываемому на входящих в нее лиц массивному идеологическому и иному воздействию со стороны экстремистских и террористических объединений, использующих для вербовки и иного вовлечения мигрантов различные методы и средства, включая создание предпосылок для эскалации национальной, религиозной, политической и идеологической ненависти и вражды в среде мигрантов, а также для возникновения у вовлекаемых лиц дополнительной мотивации к участию в экстремистских проявлениях, включая их корыстную и иную личную заинтересованность. Повышение эффективности предупреждения такого вовлечения в настоящее время является одной из наиболее актуальных задач в рамках совершенствования противодействия экстремизму в целом, в том числе распространению такового в местах лишения свободы.

Список источников

1. Игнатов А. Н. О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и механизм совершения преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 67. С. 126–132.
2. Цыкора А. В. Механизм преступного поведения в уголовном праве и криминологии // Закон и право. 2021. № 9. С. 110–113.
3. Новикова Ю. В. Механизм детерминации преступного поведения как элемент криминологической характеристики преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 930–937.
4. Иванцов С. В., Узембаева Г. И. Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации или информа-

ционно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. М. : Юрлитинформ, 2018.

5. Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография. М. : Юриспруденция, 2015.
6. Иванцов С. В., Борисов С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 2. С. 50–57.
7. Пихов А. Х.-А. Проблемы и тенденции изменений уголовного законодательства в сфере противодействия террористической деятельности // Закон и право. 2015. № 5. С. 107–110.
8. Ходусов А. А. О регулировании процессов миграции // Безопасность бизнеса. 2018. № 1. С. 35–38.
9. Усманов И. М., Зиннуров Ф. К. «Зеленая зона»: реальность и провокация (практика противодействия радикализации осужденных в местах лишения свободы в Республике Татарстан) // Вестник Казанского юридического института. 2019. № 1. С. 61–69.
10. Яворский М. А. Пенитенциарный экстремизм: масштабы угрозы и обстоятельства, способствующие совершению правонарушений экстремистского характера // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 3. С. 443–451.
11. Чем закончился захват заложников в ИК-19 Волгоградской области // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/08/23/1057698-chem-zakonchilsyazahvat-zalozhnikov>
12. МВД: за 2024 год в Россию прибыли более 6 млн мигрантов // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/06/19/1118529-v-rossiyupribili>
13. Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // URL: <http://pravo.gov.ru>
14. В Коми уроженец Таджикистана приговорен к 13 годам лишения свободы за призывы к экстремизму и наркоторговлю // URL: <https://komiinform.ru/news/240912/>
15. Приговор Островского городского суда Псковской области от 10 августа 2023 г. № 1-38/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J1xsDUul9SWC/>

References

1. Ignatov A. N. On the categories of «mechanism

- of criminal behavior», «mechanism of crime» and mechanism of commission of crime // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. No. 67. P. 126–132.
2. Tsykora A. V. The mechanism of criminal behavior in criminal law and criminology // Law and Justice. 2021. No. 9. P. 110–113.
 3. Novikova Yu. V. The mechanism of determination of criminal behavior as an element of criminological characteristics of crimes // Actual problems of Russian law. 2014. No. 5. P. 930–937.
 4. Ivantsov S. V., Uzembayeva G. I. Countering extremist crimes committed using mass media or information and telecommunication networks: criminal law and criminological aspects: monograph. M. : Yurlitinform, 2018.
 5. Borisov S. V., Zhrebchenko A. V. Incitement of hatred, hostility, humiliation of human dignity: problems establishment and implementation of criminal liability: monograph. M. : Jurisprudence, 2015.
 6. Ivantsov S. V., Borisov S. V. Actual issues of criminal law counteraction to the spread of extremist ideology in the Russian Federation // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2. P. 50–57.
 7. Pihov A. Kh.-A. Problems and trends of changes in criminal legislation in the field of countering terrorist activities // Law and Justice. 2015. No. 5. P. 107–110.
 8. Khodusov A. A. On the regulation of migration J1xsDUul9SWC/ processes // Business security. 2018. No. 1. P. 35–38.
 9. Usmanov I. M., Zinnurov F. K. «The Green Zone»: reality and provocation (practice of countering radicalization of convicts in places of detention in the Republic of Tatarstan) // Bulletin of the Kazan Law Institute. 2019. No. 1. P. 61–69.
 10. Yavorskiy M. A. Penitentiary extremism: the scale of the threat and circumstances contributing to the commission of extremist offenses // Human: crime and punishment. 2017. Vol. 25. No. 3. P. 443–451.
 11. How the hostage-taking in IK-19 of the Volgograd region ended // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/08/23/1057698-chem-zakonchilsya-zahvat-zalozhnikov>
 12. The Ministry of Internal Affairs: in 2024, more than 6 million migrants arrived in Russia // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/06/19/1118529-v-rossiyu-pribili>
 13. Decree of the President of the Russian Federation No. 1124 dated December 28, 2024 «On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation» // URL: <http://pravo.gov.ru>
 14. In Komi, a native of Tajikistan was sentenced to 13 years in prison for incitement to extremism and drug trafficking // URL: <https://komiinform.ru/news/240912/>
 15. Verdict of the Ostrovsky City Court of the Pskov region dated August 10, 2023 No. 1-38/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/>

Информация об авторе

Г. Н. Ахмадзода – адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

G. N. Akhmadzoda – Adjunct of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 06.08.2025.

The article was submitted 24.07.2025; approved after reviewing 30.07.2025; accepted for publication 06.08.2025.